

Е. П. Блаватская

Из серии "Nightmare Tales" (Кошмарные рассказы)

Может ли двойник убить?

Одним роковым утром 1867 года Восточная Европа была потрясена ужасной новостью. Михаил Обренович, правящий князь Сербии, его тётя, княгиня Екатерина, или Катинка, и её дочь были убиты среди бела дня неподалёку от Белграда, в своём собственном саду, причём убийца или убийцы остались неизвестны. Князь получил несколько пулевых ранений и ударов ножом, так что его тело было фактически искромсано; княгиня была убита на месте, голова её разбита; а дочь, всё ещё живая, имела мало шансов выжить. Обстоятельства слишком шокирующие, чтобы быть забытыми, а в той части света сей случай вызвал невероятное возбуждение.

В австрийских владениях и на территориях под условным протекторатом Турции ни одно благородное семейство не чувствовало себя в безопасности. В этих полувосточных странах каждый Монтеки имеет своего Капулетти, и ходили слухи, что кровавое деяние было совершено князем Карагеоргиевичем, или Черногеоргиевичем, как его называют в тех краях. Несколько лиц, не замешанных в деле, как водится в таких случаях, были брошены за решетку, а истинные убийцы избежали правосудия. Юного родственника жертвы, горячо любимой своим народом, сущего ребенка, забрали в связи с этим из школы в Париже, со всеми церемониями привезли в Белград и провозгласили господарем Сербии. В суматохе политической лихорадки трагедия Белграда была забыта всеми, кроме одной старой сербской дамы, преданной семье Обреновичей и неспособной успокоиться, подобно Рашели, после смерти своих детей. После провозглашения господарем юного Обреновича, племянника убитого, она распродала своё имущество и исчезла, но перед этим на могилах жертв принесла торжественную клятву отомстить за их смерть.

Пищущая сию подлинную историю месяца за три до совершения этого злодеяния провела в Белграде несколько дней и знала княгиню Катинку. Дома это было милое, деликатное и праздное создание, за границей же по манерам и образованности её принимали за парижанку. Поскольку почти все действующие лица настоящей истории ещё живы, будет уместно не оглашать их действительные имена и привести только инициалы.

Пожилая дама из Сербии редко покидала свой дом, и лишь для того, чтобы время от времени встречаться с княгиней. Откинувшись на груды подушек и ковров, облачённая в живописное национальное платье, она выглядела Кумской Сивиллой во дни её покойного отдохновения. О её оккультном знании шёпотом рассказывали странные истории, и время от времени среди постояльцев, собиравшихся вокруг камина скромной гостиницы, распространялись захватывающие предположения. Кузину незамужней тётки тучного хозяина нашей гостиницы одно время мучил блуждающий вампир. Ночной посетитель обескровил её почти до смерти, в то время как старания и экзорцизм приходского священника не увенчались успехом, но жертву с легкостью освободила госпожа П., заставившая докучливого гостя улететь, всего-навсего пригрозив ему пальчиком и пристыдив на его собственном языке.

Именно в Белграде я впервые узнала этот интереснейший филологический факт, а именно, что привидения имеют свой собственный язык. За пожилой дамой, которую я буду называть госпожой П., обычно ухаживал другой персонаж, которому суждено было сыграть в нашей ужасной истории главную роль. Это была юная цыганская девочка из какой-то области Румынии, лет примерно четырнадцати. Где она родилась, какого

происхождения была, она знала не лучше, чем кто-либо другой. Мне сказали, что однажды группа кочующих цыган принесла её и оставила во дворе старой дамы, и с того момента она стала обитательницей дома. У неё было прозвище "спящая девочка", ибо говорили, что ей свойственна способность, где бы она ни была, явно погружаться в забытьё и вслух проговаривать свои сны. Языческое имя девочки было Фрося.

Примерно через восемнадцать месяцев после того, как известие об убийстве достигло меня в Италии, я путешествовала в своём маленьком фургончике по Банату, беря в наём лошадей по мере надобности. В пути я повстречала пожилого француза, учёного, путешествовавшего, как и я, в одиночку, с той лишь разницей, что в то время как он шёл пешком, я озирала дорогу с своего трона из сухой соломы в тряском фургоне. Одним чудесным утром я обнаружила его в дикой местности, заросшей кустарником и цветами, и чуть было не наехала на него, поглощённого, как и я, созерцанием великолепия окружающего пейзажа. Знакомство вскоре состоялось, причём нам не понадобилось сложной церемонии взаимных представлений. Я слышала упоминание его имени от интересующихся месмеризмом и знала его как выдающегося адепта школы Дюпота.

— Я нашёл, — заметил он в ходе разговора, после того как я упросила его разделить со мной сиденье из соломы, — одну из самых удивительных личностей в этой прелестной Тебейде. Сегодня вечером я встречаюсь с неким семейством. Они пытаются разгадать тайну убийства, используя ясновидение девочки... Она удивительна.

— Кто же она? — спросила я.

— Румынская цыганка. Оказывается, она выросла в семье правящего князя, который больше не правит, ибо был убит при весьма таинственных обстояте... О, осторожно! Чёрт возьми, вы опрокинете нас в пропасть! — торопливо воскликнул он, бесцеремонно выхватывая у меня поводья и натягивая их.

— Вы имеете в виду князя Обреновича? — спросила я ошеломлённо.

— Да, именно его. Сегодня вечером я буду там, чтобы завершить серию сеансов благодаря полному развитию самого удивительного проявления скрытой силы человеческого духа, и вы можете пойти со мной. Я представлю вас, и кроме того, вы можете помочь мне как переводчик, поскольку они не говорят по-французски.

Поскольку я была совершенно уверена, что если сомнамбулой являлась Фрося, то остальной частью семейства должна была стать госпожа П., я охотно приняла приглашение. На закате мы достигли подножия гор, направляясь к старому замку, как француз назвал это место. Оно бесспорно заслужило это романтическое название. В глубине одного из тенистых уголков стояла грубая скамья, и когда мы остановились у входа в это поэтическое место, а француз галантно занялся лошадьми на весьма подозрительно выглядевшем мостике, ведущем через водоём к входным воротам, я увидела высокую фигуру, медленно поднимающуюся со скамьи и направляющуюся к нам.

Это была моя старая знакомая госпожа П., выглядевшая ещё более бледно и таинственно, чем обычно. Увидев меня, она не выразила удивления, а просто поприветствовала по-сербски, трижды расцеловав в обе щеки, взяла за руку и провела прямо к уютному плющом гнезду. В прислонившейся спиной к стене женщине, полулежавшей на маленьком коврикe, разостланном на высокой траве, я узнала нашу Фросю.

Она была одета в национальный костюм валахских женщин с чем-то вроде газового тюрбана на голове, унизанного разными позолоченными медальками и лентами; белую рубашку с открытыми рукавами и пёструю юбку. Она казалась мертвенно бледной, глаза её были закрыты, а лицо имело то каменное, сфинксоподобное выражение, которое служит специфическим, характерным признаком находящейся в транс ясновидящей сомнамбулы. Если бы не дыхание её груди, украшенной рядами медалек и бисерных бус, слабо позвякивавших при движении, можно было бы подумать, что она мертва, — столь безжизненным и маскоподобным казалось её лицо.

Француз сообщил мне, что погрузил её в сон ещё тогда, когда мы только приближались к дому, и что сейчас она в том же состоянии, в каком он оставил её прошлой ночью. Затем он начал заниматься "объектом", как он назвал Фросю. Больше не обращая внимания на нас, он потряс её руку, а потом, произведя несколько быстрых пассивов, вытянул её и сделал негнущейся. Рука, твёрдая как железо, осталась в этом положении. Затем он согнул все её пальцы, кроме одного — среднего, который направил на вечернюю звезду, мерцавшую на тёмно-синем небе. Затем он повернулся и стал перемещаться справа налево, посылая свои флюиды в одно место и разряжая их в другом, работая своими невидимыми, но сильными эманациями, как художник кистью, когда он делает последние штрихи на картине.

Старая дама, всё это время безмолвно следившая за ним, подпирая рукой подбородок, положила свои худые костлявые ладони на его руку и удержала её, когда он готовился начать регулярные месмерические пассы.

— Подождите, — прошептала она, — пока не взойдёт звезда и не сровняется девять часов. Вокруг вертятся вурдалаки, они могут испортить воздействие.

— Что она сказала? — переспросил месмеризатор, раздосадованный её вмешательством.

Я объяснила ему, что пожилая дама опасалась пагубного влияния вурдалаков.

— Вурдалаки! Что за вурдалаки? — воскликнул француз. — Давайте довольствоваться христианскими духами, если сегодня ночью они удостоят нас визитом, и не будем терять времени на вурдалаков.

Я бросила взгляд на госпожу, она стала мертвенно бледной, и брови её сурово сдвинулись над сверкающими глазами.

— Скажите ему, что нельзя шутить в этот час ночи, — вскричала она, — он не знает этой местности. Даже святая церковь не сможет защитить нас, если будут разбужены вурдалаки. Что это? — подвинула она ногой пучок трав, который ботанизирующий месмеризатор положил на траву рядом. Она наклонилась над коллекцией и с тревогой стала рассматривать содержимое пучка, после чего целиком швырнула его в воду.

— Его нельзя оставлять здесь, — твёрдо добавила она, — это растения Святого Иоанна, и они могут привлечь привидения.

Между тем опустилась ночь, и луна осветила ландшафт бледным, призрачным светом. Ночи в Банате почти так же прекрасны, как и на Востоке, и француз вынужден был продолжать свои эксперименты на открытом воздухе, поскольку священник церкви запретил их в башне, использовавшейся как дом приходского священника, из боязни наполнить территорию вокруг здания еретическими дьяволами месмеризатора, которых,

заметил священник, он был бы не в состоянии изгнать из-за того, что они были бы иностранцами.

Пожилой джентльмен сбросил свою походную блузу, закатал рукава рубахи и, наконец, замечательно театрально начал размеренный процесс месмеризации.

Действительно казалось, под его подрагивающими пальцами, что в сумерках вспыхивают флюиды. Фрося была посажена лицом к луне, и каждое движение вошедшей в транс девочки было видно, как днём. Через несколько минут крупные капли пота показались на её лбу и медленно покатались по бледному лицу, поблёскивая в лунных лучах. Затем она скованно пошевелилась и начала медленно напевать тихую мелодию, в слова которой госпожа жадно вслушивалась, с тревогой склонившись над бессознательной девушкой, стараясь уловить каждый звук. С тонким пальцем, прижатым к губам, глазами, готовыми выскочить из орбит, и неподвижным телом, почтенная дама, казалось, сама превратилась в статую внимания. Группа была замечательна, и я пожалела о том, что не являюсь художником. То, что последовало за этим, было сценой, достойной быть разыгранной в "Макбете". С одной стороны — она, худенькая девочка, бледная и будто неживая, корчащаяся под невидимым флюидом того, кто в этот час был её всемогущим господином; с другой стороны — пожилая матрона, снедаемая неутолимой жаждой мести, стояла, ожидая, что вожделенное имя убийцы князя будет наконец произнесено. Сам француз выглядел преобразившимся, его серые волосы стояли дыбом, а грузное неуклюжее тело, казалось, выросло за несколько минут. Вся его театральность теперь исчезла, и остался только месмеризатор, сознающий свою ответственность, сам не знающий возможных результатов, изучающий и тревожно выжидающий. Будто поднятая сверхъестественной силой из своего полулежачего положения, Фрося внезапно встала прямо перед нами, вновь неподвижная и безмолвная, ожидающая направляющего магнетического флюида. Француз спокойно взял руку пожилой дамы и вложил её в руку сомнамбулы, приказав той вступить в контакт с госпожой.

— Что ты видишь, дочь моя? — мягко проговорила дама из Сербии. — Может ли твой дух отыскать убийц?

— Ищи и наблюдай! — строго скомандовал месмеризатор, фиксируя свой взгляд на лице объекта.

— Я в пути — я иду, — слабо прошептала Фрося, и голос её, казалось, исходил не от неё, но из окружающего пространства.

В этот момент случилось нечто столь странное, что я вряд ли буду в состоянии описать это. Появилось светящееся облако, плотно окутывающее тело девочки. Бывшее сначала около дюйма толщиной, оно постепенно увеличивалось и собиралось, пока совсем не отделилось от тела и не сконденсировалось в нечто вроде полупрозрачного пара, который очень скоро приобрёл подобие самой сомнамбулы. Мерцая над поверхностью земли, форма колебалась в течение двух или трёх секунд, а затем заскользила по направлению к реке. Она исчезла, подобно туману, растворившемуся в лунных лучах, которые, казалось, вобрали её всю.

Я следила за происходящим с напряжённым вниманием. Таинственная операция, известная на Востоке под названием "скин-лекки", происходила непосредственно на моих собственных глазах. Сомневаться было невозможно, и Дюпоте был прав, говоря, что месмеризм является осознанной магией древних, а спиритуализм — неосознанным результатом воздействия той же самой магии на некоторые организмы.

Как только паробразный двойник просочился сквозь поры девочки, госпожа быстрым движением свободной руки вытащила из-под мантильи нечто, на мой взгляд, подозрительно напоминавшее маленький стилет, и быстро положила его девочке за пазуху. Движение было столь быстрым, что месмеризатор, поглощённый своей работой, не заметил его, как он сказал мне потом. Несколько минут прошло в мёртвой тишине. Мы напоминали группу окаменевших фигур. Внезапно вибрирующий пронзительный крик вырвался из уст находившейся в трансе девочки, она подалась вперёд и, схватив со своей груди стилет, несколько раз неистово пронзила воздух вокруг себя, как бы преследуя воображаемых врагов. На губах её выступила пена, и с уст сорвалось бессвязное дикое восклицание, среди диссонировавших звуков которого я несколько раз слышала два знакомых мне мужских имени. Месмеризатор был настолько испуган, что потерял всякий контроль над собой и вместо того, чтобы отбирать флюид, всё больше добавлял его девочке.

— Осторожно! — воскликнула я. — Остановитесь! Вы убьёте её или она убьёт вас!

Но француз, не желая того, разбудил тонкие силы Природы, над которыми был невластен. Повернувшись, в неистовстве, девочка нанесла ему удар, который мог бы убить его, если бы он не отпрыгнул в сторону, получив лишь небольшую царапину на правой руке. Бедный джентльмен был в панике; взобравшись на стену с проворством, исключительным для человека столь тучного сложения, он уселся верхом на ней и, собрав всю свою силу воли, послал в направлении девочки серию пассивов. Буквально через секунду девушка уронила оружие и осталась неподвижной.

— Что ты делаешь? — хрипло крикнул по-французски месмеризатор, восседающий на стене подобно чудовищному ночному гоблину. — Отвечай, я приказываю тебе!

— Я сделала... лишь то, что она... которой вы приказали мне повиноваться... повелела мне сделать, — ответила девочка, к моему изумлению, по-французски.

— Что же эта старая ведьма велела тебе? — грубо спросил он.

— Найти их... которые убили... убить их... я сделала так... их больше нет... Отмщены! Отмщены! Они...

Триумфальный вопль, оглушительный крик адского торжества прозвучал в воздухе и, поскольку он разбудил собак в ближайших деревнях, в тот же момент начался ответный вой и лай, подобно непрекращающемуся эху крика госпожи:

— Я отмщена! Я чувствую это; я знаю это. Моё чуткое сердце говорит мне, что врагов моих больше нет. — Тяжело дыша, она рухнула на землю, в своём падении увлекая за собой девочку, позволившую уронить себя, как мешок шерсти.

— Надеюсь, мой объект сегодня вечером не натворит больше зла. Она — личность столь же опасная, сколь и удивительная, — вымолвил француз.

Мы расстались. Три дня спустя после того как я была в Т., сидя в столовой ресторана и ожидая свой ленч, я случайно взяла в руки газету и в первых строках прочла следующее:

Вена, 186... "Две таинственные смерти"

"Вчера вечером в 21.45, когда П. собирался удалиться, двое камергеров внезапно проявили великий страх, как если бы они увидели ужасный призрак. Они кричали, шатались, бегали по комнате, поднимали руки, как бы отражая удары невидимого оружия. Они не обращали внимания на нетерпеливые вопросы князя и свиты, но вскоре в корчах упали на пол и скончались в ужасных муках. На их телах не было ни признаков паралича, ни внешних ранений, однако, что удивительно, на них были многочисленные тёмные пятна и длинные полосы на коже, похожие на удары и порезы холодным оружием, но без нарушения кожных покровов. Вскрытие обнаружило тот факт, что под каждым из этих таинственных пятен был сгусток свернувшейся крови. Сие происшествие привело всех в величайшее возбуждение; власти не в состоянии разгадать эту тайну."
